

БАЛТИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФОЛЬКЛОРА И ЭЗОТЕРИКИ

Исследовательская публикация BAFES 01

Источники и реконструкции дохристианской балтийской религии

Свидетельства, интерпретация и границы реконструкции

Проект: BAFES-R-001

Институциональный автор: Baltic Association for Folklore and Esoteric Studies (BAFES)

Версия: 1.0

Дата публикации: 26 августа 2026 года

Язык: русский

Период исследования: 2026

Место издания: Литва

Сайт: bafes.org

Контакт: info@bafes.org

Сведения о публикации

Настоящая публикация представляет завершённый первый исследовательский цикл проекта BAFES-R-001 «*Источники и реконструкции дохристианской балтийской религии*». Это институциональная исследовательская работа, подготовленная на основе реестра источников проекта, матрицы утверждений, досье источников, историографических сопоставлений, археологических проверок и дополнительной сверки первичных источников.

Статус рецензирования: проведены внутренний аудит источников и дополнительная проверка первичных материалов. Внешнее научное рецензирование не проводилось.

Финансирование: для проекта BAFES-R-001 не зарегистрировано целевого внешнего финансирования.

Лицензия: Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0), за исключением цитат и материалов третьих лиц, права на которые сохраняются за их правообладателями.

Рекомендуемая ссылка: Baltic Association for Folklore and Esoteric Studies (BAFES). 2026. *Источники и реконструкции дохристианской балтийской религии: свидетельства, интерпретация и границы реконструкции*. BAFES Research Publication 01. Проект BAFES-R-001. Версия 1.0. Литва: BAFES.

Ключевые слова: балтийская религия; балтийская мифология; Литва; Пруссия; Перкунас; Телявелис; Curchė; гадание; ритуальные специалисты; священные места; погребение; жертвоприношение коня; человеческие жертвоприношения; Romow; Criwe; критика источников.

Аннотация

Дохристианские религии Балтийского региона нередко описываются так, будто они составляли целостную систему, которую можно восстановить по сохранившимся именам, хроникам, археологическим данным, фольклору и поздним этнографическим записям. На деле источниковая база менее полна и значительно более неоднородна. В рамках BAFES-R-001 исследовалось, какие выводы действительно поддерживаются сохранившимся материалом, где допустима обоснованная интерпретация и в какой точке начинается современная реконструкция.

В первом исследовательском цикле средневековые и ранненововеменные письменные источники сопоставлялись с археологическими данными и современной источниковедческой литературой. Особое внимание было уделено Христбургскому договору 1249 года, Ливонской рифмованной хронике, Петру из Дусбурга, Галицко-Волынской летописи, Хронографу 1262 года, ранненововеменному каталогу Яна Ласицкого, а также археологическим исследованиям погребений, коней, оружия и сакрального ландшафта. На дополнительном этапе были непосредственно проверены критическая реконструкция рукописной традиции Хронографа 1262 года и опубликованное факсимиле релевантного фрагмента Христбургского договора.

Источники уверенно подтверждают существование регионально различавшихся политеистических традиций, именованных божественных или культовых фигур, гадания по жребию, специализированных участников ритуала, священных природных мест, сложных погребальных практик и ритуального использования коней. Средневековые хроники также содержат несколько сообщений о фактически совершённых ритуальных убийствах пленных, хотя установить частоту и нормативный статус таких действий невозможно. Перкунас имеет сильную раннюю фиксацию в нескольких источниковых традициях. Curchē надёжно помещён в ежегодный культовый контекст после сбора урожая, однако привычное определение «бог урожая» остаётся интерпретацией, а не формулировкой самого договора. Телявелис достоверно присутствует в текстовой традиции XIII века, тогда как происхождение связанной с ним кузнечно-солярной характеристики требует дальнейшего литературного и филологического анализа.

Источники не дают прямых оснований говорить о едином фиксированном общепалтийском пантеоне, унифицированной государственной религии, централизованной жреческой иерархии или стандартной ритуальной системе, общей для всех палтийских народов. Влиятельный рассказ о Romow и Crīwe нельзя использовать как прямое доказательство существования «палтийского Ватикана». Поздний фольклор и современные реконструкции имеют самостоятельную ценность как свидетельства поздних традиций и их восприятия, однако их нельзя автоматически переносить в XIII век.

Главный вывод не сводится ни к утверждению, что палтийскую религию можно полностью восстановить, ни к противоположной мысли, будто о ней почти ничего нельзя знать. Сохранившиеся свидетельства позволяют выделить значительное историческое ядро, но оно регионально, неравномерно и требует постоянного различения между сообщением источника, историческим выводом и поздней реконструкцией.

Содержание

1. Введение
 2. Исследовательский вопрос и подход
 3. Источниковый ландшафт
 4. Критика источников и проблема независимости
 5. Политеизм и проблема пантеона
 6. Именованные божественные и культовые фигуры
 7. Гадание и ритуальные специалисты
 8. Священный ландшафт
 9. Смерть, погребение и представления о посмертии
 10. Кони, жертвоприношение и ритуальное действие
 11. Человеческие жертвоприношения и проблема военной добычи
 12. Romow и Criwe
 13. Ласицкий и расширение источниковой базы в раннее Новое время
 14. Поздний фольклор, преемственность и реконструкция
 15. Что можно реконструировать ответственно?
 16. Ограничения и открытые вопросы
 17. Заключение
- Приложение А. Сводка доказательств
- Библиография
-

1. Введение

Дохристианская балтийская религия дошла до нас фрагментарно. Не существует средневекового текста, написанного носителем литовской, прусской, куршской, земгальской или жемайтской традиции и систематически описывающего её религию. Не сохранился труд балтийского жреца, в котором до христианизации были бы изложены учение, ритуал, иерархия божеств, сакральное право или космология. Большинство ранних письменных свидетельств принадлежит людям, находившимся вне описываемых ими традиций: миссионерам, участникам и институтам крестовых походов, христианским хронистам, политическим наблюдателям либо более поздним авторам, писавшим уже в обществах, глубоко изменённых христианством.

Такая ситуация создаёт понятный соблазн. Небольшое число источников подталкивает позднейших исследователей соединять разрозненные фрагменты в законченную систему. Имя божества, найденное в одном тексте, получает функцию из другого. Позднее народное верование используется для заполнения пробела в средневековой хронике. Перечень превращается в пантеон. Человек, выполнявший особую ритуальную функцию, становится представителем жреческой касты. Священное место начинает восприниматься как свидетельство центрального святилища. Несколько сходных текстов подсчитываются как несколько независимых подтверждений, хотя их литературная связь может оставаться неясной.

Не менее ошибочна противоположная крайность. Поскольку источники написаны христианами, часто полемичны, неполны и иногда зависят друг от друга, можно прийти к выводу, что они почти ничего надёжного не сообщают о дохристианских балтийских религиях. Это также чрезмерный скептицизм. Средневековые тексты неоднократно сохраняют конкретные имена, действия, ритуальные контексты и описания. Археология независимо подтверждает часть материального мира, о котором рассказывают письменные источники. Современная филология и критика источников позволяют точнее отделять текстовый факт от поздней интерпретации, чем это часто делалось в старых синтетических схемах.

Проект BAFES-R-001 был построен именно вокруг этой промежуточной позиции. Его целью не была ещё одна полная реконструкция «балтийской религии». Был поставлен более узкий вопрос: что сохранившиеся свидетельства позволяют установить с разумной степенью уверенности и где начинается историческая реконструкция?

Это различие важно не только для балтийских исследований. Религии, известные главным образом по враждебным, внешним, поздним или фрагментарным источникам, особенно уязвимы перед ложной уверенностью. Здесь проблема прежде всего методологическая, а уже затем мифологическая. Ответственная реконструкция должна сохранять различие между тем, что прямо сказано в источнике, тем, что становится вероятным при сопоставлении нескольких свидетельств, тем, что выводит современная наука, и тем, что остаётся неизвестным.

Поэтому первый исследовательский цикл рассматривал доказательства по отдельным утверждениям. Письменные источники сопоставлялись хронологически и контекстуально.

Там, где это было возможно, использовались критические издания, а не популярные пересказы. Сходные сообщения проверялись на возможную текстовую зависимость. Археологические данные применялись как независимый контроль материальных утверждений, но не как короткий путь к восстановлению религиозного смысла. Поздний фольклор рассматривался прежде всего как свидетельство более поздней традиции, если преемственность нельзя было аргументировать отдельно.

Получившаяся картина одновременно достаточно связна и плохо поддаётся упрощению. Сильные свидетельства имеются для множественных божественных или культовых фигур, гадания, ритуальных специалистов, священных мест, жертвенных действий, погребальных практик с религиозным содержанием и некоторых повторяющихся региональных моделей. Значительно слабее доказательства существования одной унифицированной системы, охватывавшей весь балтийский мир.

Настоящая публикация представляет этот результат в полном виде. Это не каталог всех имён, когда-либо связывавшихся с балтийской мифологией. Это карта доказательств, показывающая наиболее сильные темы, основные неопределённости и те точки, где поздняя реконструкция нередко становилась увереннее, чем позволяют сохранившиеся источники.

2. Исследовательский вопрос и подход

Центральный исследовательский вопрос формулировался следующим образом:

Что можно установить, обоснованно вывести, считать неопределённым или только реконструировать в отношении дохристианских балтийских религиозных традиций на основании сохранившихся свидетельств?

В проекте использовались четыре практических различия.

Во-первых, утверждение исторического источника не тождественно исторической реальности, которую этот источник описывает. Если Пётр из Дусбурга пишет, что некий религиозный авторитет обладал влиянием в широком языческом мире, наличие такого сообщения в тексте несомненно. Существовала ли за ним именно описанная институциональная система, это уже отдельный исторический вопрос.

Во-вторых, несколько текстов не обязательно означают несколько независимых свидетельств. Средневековые компиляторы заимствовали, переводили, перерабатывали и наследовали материал. Утверждение, повторённое в трёх произведениях, всё ещё может восходить к одному более раннему информационному каналу. Поэтому число документов нельзя автоматически считать числом независимых наблюдений.

В-третьих, необходимо отделять материальные данные от религиозного смысла. Археология может установить, что конь был погребён в определённом контексте или что оружие сопровождало человеческие останки. Без дополнительного материала она не может точно установить верование, которое мотивировало это действие.

В-четвёртых, поздняя традиция не равна автоматически ранней традиции. Фольклор XIX и XX веков способен сохранять древние мотивы, но между средневековой практикой и её

поздней записью лежат столетия христианизации, социальных изменений, распространения письменной культуры и переосмысления. Преемственность следует доказывать там, где это возможно, а не принимать заранее.

Во внутренней работе BAFES-R-001 основные утверждения классифицировались как документированные, интерпретационные, гипотетические, относящиеся к традиции или нерешённые. В публичном тексте эта система кодов не воспроизводится, поскольку она служит инструментом управления исследованием, а не заменой объяснения. Однако её основной принцип сохраняется во всей публикации: степень уверенности должна следовать за качеством доказательств, а не за привлекательностью реконструкции.

Исследовательский корпус включал несколько типов материала.

К наиболее раннему письменному слою относились Христбургский договор 1249 года, Генрих Латвийский, Ливонская рифмованная хроника, Галицко-Волынская летопись, Хронограф 1262 года и *Chronica terrae Prussiae* Петра из Дусбурга. Жанры этих текстов резко различаются. Юридический договор не является военной поэмой. Хронографическая компиляция не является свидетельством очевидца. Хроника крестового похода не является нейтральной этнографией. Эти различия сами составляют часть источниковой проблемы.

Второй слой образуют ранненовоязычные авторы, в частности Ян Ласицкий, чей каталог жемайтских божественных и сверхъестественных имён чрезвычайно богат, но труден для интерпретации. Такие источники могут сохранять подлинный местный материал и одновременно отражать языковые недоразумения, литературную организацию текста, христианскую классификацию или учёное переосмысление.

Археологические исследования использовались для проверки материальных утверждений, связанных с кремацией, погребениями коней, оружием, упряжью и ритуальными контекстами. Работы Романа Широкоухова, Миндаугаса Берташюса, Гедиминаса Петраускаса и других исследователей показывают, насколько многое можно установить по материальным данным и насколько опасно слишком быстро переходить от предмета к теологии.

Современная историческая, филологическая и историографическая литература использовалась не как единый авторитет, а как поле конкурирующих моделей. Важное место в работе занимали исследования Норбертаса Велюса, Ильи Лемешкина, Роландаса Крягждиса, Ниёле Лауринкене, Стивена Роуэлла, Дарюса Баронаса, Викинтаса Вайткавичюса, Гинтараса Береснявичюса, Расы Мажейки, Северина Щепаньского и Фрэнсиса Янга.

В одном отношении результат намеренно консервативен: проект предпочитает более узкий вывод, выдерживающий источниковедческую проверку, эффектному выводу, который зависит от нескольких недоказанных отождествлений.

3. Источниковый ландшафт

3.1 Христбургский договор

Христбургский договор, заключённый в 1249 году, относится к важнейшим ранним документальным источникам по религиозной практике древних пруссов. В отличие от поздней повествовательной хроники, это юридический акт, возникший в контексте конфликта, обращения в христианство и согласования взаимных обязательств. Его религиозные положения были записаны не для того, чтобы сохранить прусскую традицию для будущих историков. В них перечислялись практики и фигуры, от которых христианские власти ожидали отказа новообращённых.

Текст называет *Curche* в ежегодно повторяющемся контексте после сбора урожая и использует формулировку, указывающую на почитание «как бога», вместе с упоминанием возлияний. В нём также фигурируют *Tulissones* и *Ligaschones* в связи с погребальной практикой и слово *nisum* в описании, относящемся к умершему. Эти детали особенно ценны, поскольку включены в датированный юридический документ, а не в поздний мифографический синтез.

Оригинал договора не сохранился. Поэтому BAFES не заявляет о непосредственном изучении подлинной средневековой грамоты. Проект использовал опубликованную документальную традицию, а на этапе дополнительной проверки релевантный фрагмент опубликованного факсимиле латинского списка А был сопоставлен с уточнённой транскрипцией, проанализированной Роландасом Крягждисом. Формы *Curche*, *Tulissones*, *Ligaschones* и *nisum* были подтверждены на уровне, необходимом для выводов настоящей работы (Kregždys 2012).

Договор является сильным свидетельством существования конкретных терминов и практик, но значительно слабее говорит о полном содержании их функций. Сам факт запрета показывает, что практика была достаточно значимой, чтобы регулироваться. Однако запрет не обязательно объясняет её в тех категориях, которыми пользовались сами участники.

3.2 Ливонская повествовательная традиция

Генрих Латвийский и Ливонская рифмованная хроника неоднократно описывают гадание, военные действия, ритуальные решения и столкновения с балтийскими группами. Их ценность отчасти связана с повторяемостью мотивов в разных ситуациях. Жребий появляется в решениях о будущем действии и божественной помощи. Ливонская рифмованная хроника называет *Perkune* в литовском контексте и содержит примечательный эпизод с ритуальным специалистом, обозначаемым в рукописной традиции как *blūtekirl*: он бросает жребий, совершает ритуальное действие с животным, предсказывает исход и формулирует обещание богам.

Эти тексты не являются этнографическими руководствами. Сцены в них сформированы жанром, повествовательной задачей, аудиторией и христианской перспективой. Ритуальную речь в стихотворной хронике нельзя воспринимать как дословную стенограмму. Однако литературная форма не превращает каждую конкретную деталь в вымысел. Адекватная реакция здесь состоит не в буквальном доверии и не в полном отрицании, а в сравнении.

3.3 Галицко-Волынская летопись и Хронограф 1262 года

Древнерусская книжная среда XIII века сохранила некоторые из важнейших ранних литовских божественных имён. Галицко-Волынская летопись содержит литовские религиозные имена в политических и военных контекстах. Хронограф 1262 года передаёт отдельный ряд Andaj, Perkūnas, Žvorūna и Teliavelis, снабжённый пояснениями к нескольким фигурам.

Непосредственная проверка критической реконструкции Ильи Лемешкина стала одним из ключевых корректирующих этапов BAFES-R-001. Были проверены релевантные чтения в сохранившейся рукописной традиции, представленной Архивным, Варшавским, Вильнюсским и Забелинским списками. Последовательность имён и сопровождающие их глоссы принадлежат критически восстанавливаемой традиции и не являются современной выдумкой (Lemeškin 2009; Vėlius 1996).

В то же время четыре рукописных списка не равны четырём независимым историческим наблюдениям. Рукописная традиция имеет генеалогические связи и редакционные ветви. Источниковой единицей здесь является сама текстовая традиция, а не простое число сохранившихся копий.

Отношение между Галицко-Волынской летописью и Хронографом также сложнее, чем модель полной зависимости или полной независимости. Прямое заимствование одного литовского религиозного перечня из другого не доказано, однако оба текста принадлежат взаимосвязанной книжной среде. Поэтому совпадающие имена имеют значение, но их нельзя механически считать двумя независимыми фиксациями одного и того же явления.

3.4 Пётр из Дусбурга

Chronica terrae Prussiae Петра из Дусбурга, завершённая в начале XIV века, одновременно незаменима и опасна для реконструкции. Она содержит ряд наиболее влиятельных описаний прусской религии, включая священные рощи и воды, представления о смерти, жертвоприношения, Romow и Criwe.

Опасность связана прежде всего с последующей историей восприятия. Отрывки Дусбурга часто извлекались из повествовательного контекста и использовались как прозрачные описания реальных институтов. Детальный анализ Расы Мажейки полезен именно потому, что он избегает двух простейших крайностей: не рассматривает рассказ как прямой репортаж и одновременно не сводит его к чистой морализаторской фикции (Mažeika 2023).

Дусбург писал внутри документального и литературного мира Тевтонского ордена. В ряде случаев использование им более раннего письменного материала доказуемо. Поэтому сходство его религиозных описаний с более ранними текстами требует анализа зависимости до того, как такие параллели будут использованы как независимые подтверждения.

3.5 Ранненовоярменныя каталоги

К XVI веку характер источников меняется. Письменных данных становится больше, но одновременно увеличивается историческая дистанция от религиозного мира XIII века. Яркий пример представляет *De diis Samagitarum* Яна Ласицкого. Этот текст сохраняет обширный

каталог имён, связанных с жемайтскими верованиями и практиками. Часть записей может отражать реальные местные имена божеств, духов, ритуальных терминов, домашних существ или природных явлений; другие могут быть непонятыми нарицательными словами либо результатом авторской классификации.

Ценность каталога заключается именно в его неоднородности. Слабость начинается там, где каждое непривычное или написанное с заглавной буквы слово автоматически превращается в древнего бога. Длинный перечень не доказывает существования большого систематизированного пантеона. Каждый элемент требует отдельной лингвистической, контекстуальной, сравнительной и историографической проверки.

4. Критика источников и проблема независимости

Историческая реконструкция становится ненадёжной, когда одна и та же информация подсчитывается несколько раз без вопроса о том, каким путём она передавалась.

В BAFES-R-001 эта проблема проявляется на нескольких уровнях.

Первый уровень связан с зависимостью рукописей. Сохранившиеся списки Хронографа 1262 года передают текстовую традицию с разветвлёнными отношениями. Они повышают уверенность в том, что конкретное чтение принадлежало этой традиции, но не являются четырьмя этнографическими полевыми отчётами.

Второй уровень связан с литературной зависимостью между произведениями. Известно, что Пётр из Дусбурга использовал более ранние материалы в отдельных частях своей хроники. Позднее Николаус фон Ерошин перевёл и переработал текст Дусбурга. Поэтому Ерошин не может использоваться как независимый средневековый свидетель Romow или Criwe только потому, что его формулировка находится в отдельной книге.

Третий уровень представляет информационная зависимость без прямого копирования. Два текста могут быть различными в текстологическом смысле, но опираться на пересекающиеся интеллектуальные или устные среды. Именно поэтому осторожности требуют Галицко-Волынская летопись и Хронограф 1262 года. Их литовские пассажи не доказано переписаны один из другого, но и полная независимость информационных каналов не установлена.

Из этого следует полезный принцип: доказательства следует оценивать по независимости каналов, а не просто подсчитывать по количеству документов.

Этот принцип влияет на несколько крупных тем. Три письменных рассказа о погребальной практике убеждают меньше, если они могли наследовать общую институциональную традицию. Археологические данные приобретают особую ценность именно потому, что создают действительно иной информационный канал. Повторяющийся мотив одной трети военной добычи выглядит менее весомым, если поздние авторы могли наследовать более ранний рассказ или если сама доля «одна треть» принадлежит более широким средневековым нормам и литературным формулам. Напротив, божественное имя, встречающееся в действительно независимых языковых и литературных контекстах, получает больший исторический вес.

Критика источников не обязательно ослабляет каждый вывод. Иногда она, наоборот, показывает, какие утверждения сохраняют силу после устранения повторного счёта. Хороший пример представляет Перкунас. Его ранняя фиксация не зависит только от одной рукописной семьи. Ливонская рифмованная хроника даёт отдельную текстовую среду, тогда как Хронограф содержит самостоятельную раннюю запись с громовой глоссой. Когда зависимость источников учитывается всерьёз, значение такого межисточникового совпадения возрастает.

5. Политеизм и проблема пантеона

5.1 Что подтверждается источниками

Несколько ранних источников говорят о богах во множественном числе и сохраняют именованные божественные или культовые фигуры. В эту картину вносят вклад Галицко-Волынская летопись, Ливонская рифмованная хроника и Хронограф 1262 года. Христбургский договор добавляет конкретно прусскую культовую фигуру *Curche*.

Для минимального аналитического определения политеизма этого достаточно. Несколько балтийских групп XIII и начала XIV века можно обоснованно описывать как участников религиозных традиций, признававших множественные божественные или культовые силы.

Такой вывод не требует полной теологии. Политеизм является более узким тезисом, чем существование фиксированного пантеона. Он означает признание нескольких божественных сил, но не предполагает, что все балтийские группы имели один список, одинаковую иерархию, общие мифы, институты или ритуальный календарь.

5.2 Как конструируется фиксированный пантеон

Наиболее строгие реконструкции пантеона обычно зависят от нескольких интерпретационных операций.

Первая операция состоит в отождествлении имён из разных источников. *Divīriks* может быть приравнен к *Perkūnas*, *Nunadīvis* к *Andaj*, *Medeina* к *Žvorūna*. За такими предложениями могут стоять лингвистические, структурные или функциональные аргументы, однако сами средневековые тексты этих равенств не формулируют.

Вторая операция превращает порядок перечисления в ранг. Последовательность имён становится иерархией, хотя порядок может определяться литературной, мнемонической, синтаксической или контекстуальной логикой.

Третья операция объединяет региональные и текстовые различия в одну религиозную систему. Литовский, прусский, жемайтский и другой материал помещается в общую таблицу.

Четвёртая операция трактует политический контекст как доказательство государственной религии. Божество, упомянутое рядом с правителем или политическим событием, становится частью официального государственного пантеона.

Каждый из этих шагов в отдельном случае может быть аргументирован. Проблема возникает, когда несколько неопределённых переходов объединяются, а итоговая система затем подаётся как прямое средневековое свидетельство.

Поэтому BAFES-R-001 отвергает тезис, согласно которому сохранившиеся перечни XIII века сами по себе дают единый ранжированный государственный пантеон. Это не означает, что структурированных пантеонов не существовало. Речь идёт лишь о границах сохранившихся доказательств.

5.3 Региональные религиозные миры

Более широкая картина лучше соответствует модели родственных, но регионально различавшихся религиозных традиций. Родство балтийских языков и культурные связи оправдывают сравнение. Сходные ритуальные формы также могли пересекать политические границы. Однако языковое родство не отменяет местную историю.

Прусский материал формировался в иной документальной среде, чем литовский. Жемайтские свидетельства не всегда напрямую сопоставимы с тем или другим. Куршские и земгальские эпизоды дошли через иные политические и повествовательные контексты. Христианизация также происходила неодинаково по времени и регионам.

Исторически правдоподобная реконструкция должна учитывать одновременно общие модели и местные различия. Сохранившиеся данные не поддерживают ни полную раздробленность, ни единую унифицированную религиозную систему.

6. Именованные божественные и культовые фигуры

6.1 Перкунас

Перкунас имеет одну из наиболее сильных ранних источниковых позиций во всём корпусе.

Ливонская рифмованная хроника называет *Perkune* в литовском контексте. Хронограф 1262 года помещает *Perkūnas* в последовательность *Andaj*, *Perkūnas*, *Žvorūna*, *Teliavelis* и сопровождает имя глоссой, связанной с громом. Это разные текстовые среды, а чтение Хронографа было непосредственно проверено по критической реконструкции рукописной традиции (Meyer 1876; Lemeškin 2009).

Это позволяет сделать сильный вывод: Перкунас был ранней документированной литовской божественной или культовой фигурой и, по крайней мере в одной ранней текстовой традиции, связывался с громом.

Этого недостаточно для полной реконструкции Перкунаса. Его точный ранг не установлен. Источники не доказывают, что он был единственным верховным божеством государственной системы. Они не показывают, что каждый мотив позднего фольклора уже существовал в XIII веке. Они также не дают автоматического основания приравнивать к Перкунасу каждое сходно интерпретируемое имя в других перечнях.

Обширное исследование Ниёле Лауринкене показывает богатство языкового, фольклорного и исторического материала, связанного с Перкунасом (Laurinkienė 1996). Однако для ранней реконструкции позднее богатство не должно стирать границу между ранней фиксацией и поздней традицией. Сильнейший результат состоит именно в том, что историческая видимость Перкунаса не зависит от фольклора XIX или XX века.

6.2 Diviriks и проблема отождествления

Предлагаемое равенство Diviriks = Perkūnas служит хорошим примером правдоподобного, но недоказанного отождествления. У гипотезы есть структурные и филологические аргументы, и в конечном счёте она может оказаться верной. Однако ни один сохранившийся средневековый текст не утверждает это тождество напрямую.

Поэтому корректная формулировка должна оставаться сравнительной: Diviriks может представлять фигуру, связанную или тождественную Перкунасу, но это остаётся гипотезой. Её нельзя использовать как незаметный мост, позволяющий заранее объединить два перечня ещё до обоснования самого тождества.

6.3 Телявелис

Телявелис одновременно хорошо засвидетельствован и сложен для интерпретации.

Имя встречается в двух различных текстовых корпусах XIII века. Хронограф 1262 года представляет Телявелиса как кузнеца, связанного с ковкой Солнца и его помещением или забрасыванием на небо. Непосредственная проверка критической реконструкции Лемешкина подтверждает, что кузнечно-солярная характеристика действительно принадлежит рукописной традиции (Lemeškin 2009; Vèlius 1996).

Этот текстовый факт необходимо отделять от вопроса о историческом происхождении описания.

Лемешкин обратил внимание на возможную литературную связь с библейским Тувалкаином, который в хронографической книжной среде также связан с обработкой металла. Сходство имени, ремесла и литературного контекста позволяет поставить законный вопрос: не была ли местная фигура частично осмыслена компилятором через знакомую книжную модель?

Такая возможность не доказывает, что Телявелис был придуман автором. Появление имени в Галицко-Волынской летописи, где отсутствует тот же кузнечно-солярный рассказ, противоречит простой гипотезе изобретения. Наиболее устойчивую нынешнюю формулу можно разделить на три уровня:

1. Телявелис является ранним засвидетельствованным именем.
2. Хронограф документирует связанную с этим именем кузнечно-солярную характеристику.
3. Происхождение и историческая аутентичность именно этой характеристики остаются предметом дискуссии.

Более поздние отождествления вроде Teliavelis = Kalvelis или Teliavelis = Velnias могут быть продуктивными научными гипотезами. Они не являются прямыми утверждениями текстов XIII века.

6.4 Curche

Curche появляется в одном из самых ранних и сильных документальных контекстов всего корпуса, в Христбургском договоре 1249 года.

Договор помещает Curche в ежегодный контекст после сбора урожая, использует выражение *pro deo* и упоминает возлияния. Поэтому аграрная связь не является произвольной. Однако распространённая формула «Curche был прусским богом урожая» выходит за пределы буквального содержания документа.

Различие может показаться небольшим, но оно показывает, как реконструкция со временем превращается в якобы факт. Когда современное функциональное определение многократно повторяется в справочниках, на сайтах и схемах, читатель легко начинает считать его формулировкой самого средневекового текста.

Роландас Крягждис подверг критике простые унаследованные трактовки и предложил более сложную этимологическую и функциональную историю, включая возможную связь со скотоводством и вторичную аграрную интерпретацию (Kregždys 2012). Северин Щепаньский рассматривает договор в более широком религиозном и политическом контексте христианизации пруссов (Szczepański 2017).

BAFES-R-001 не заменяет одну слабую уверенность другой только потому, что новая интерпретация интереснее. Надёжное историческое ядро уже: Curche назван в ежегодном пост-урожайном культовом контексте и представлен как божественная фигура. Его точная функция и этимология остаются открытыми.

6.5 Andaj, Nunadievīs, Žvorūna и Medeina

Ранние литовские перечни сохраняют и другие имена, отношения между которыми остаются трудными для реконструкции.

Andaj достоверно присутствует в критической традиции Хронографа. Nunadievīs встречается в другом раннем корпусе. Их возможное тождество нельзя исключить, но оно не доказано. Источники не дают достаточно общей функциональной информации, чтобы сделать такое отождествление надёжным.

Žvorūna также уверенно присутствует в традиции Хронографа, а сопровождающая глосса имеет зоологический характер. Medeina или Medeinas появляется в другом раннем литовском контексте. Их сближение через лес, животных или охоту имеет долгую историографическую историю и нередко воспринимается как самоочевидное. Однако ранние источники не утверждают, что два имени обозначают одну фигуру.

Эти случаи хорошо показывают, почему реконструированный пантеон может выглядеть на бумаге стабильнее, чем в источниках. Схема устраняет неопределённость самим устройством. Исторические свидетельства этого сделать не позволяют.

7. Гадание и ритуальные специалисты

7.1 Гадание по жребию

Гадание по жребию относится к наиболее сильным межрегиональным моделям, выявленным в ходе исследования.

Генрих Латвийский описывает использование жребия при принятии решений, связанных с божественной помощью и будущими действиями. Ливонская рифмованная хроника содержит дополнительные сцены с жеребьёвкой. Пётр из Дусбурга также сообщает о том, что пруссы обращались к божественным силам посредством жребия перед значимыми действиями.

Контекст и формулировки этих сообщений различаются. Их нельзя сводить к одной стандартной технике. Тем не менее повторяемость практики в материалах о нескольких группах и в разных источниковых ситуациях позволяет сделать более широкий исторический вывод: гадательное использование жребия было известно нескольким балтийским сообществам в XIII и начале XIV века.

Этот вывод сильнее, чем тезис, основанный на одном эффектном эпизоде, но уже утверждения о едином обще-балтийском институте гадания. Мы не знаем, использовались ли повсюду одни и те же предметы, специалисты, молитвы, правила или способы толкования.

Ливонская рифмованная хроника также содержит сцену, которая может отражать скапулимантию, то есть гадание по лопаточной кости. Эпизод важен, но остаётся единичным. Он подтверждает возможность такой практики, но не позволяет установить её распространённость или институциональную форму.

7.2 Tullisones и Ligaschones

Христбургский договор связывает Tullisones и Ligaschones с погребальной практикой и через христианскую пояснительную формулу сравнивает их с языческими жрецами.

Их точные роли остаются неясными. Нельзя уверенно сказать, обозначают ли два слова разные должности, варианты терминов, родственные функции или категории, которые латинский автор понял лишь приблизительно. Этимологические исследования также приводят к различным реконструкциям.

Что договор подтверждает достаточно хорошо, так это наличие ритуальной специализации. Определённые люди имели узнаваемые функции в погребальном действии, речи, толковании или посредничестве. Называть их представителями полностью организованного жречества означало бы приписать источнику больше институциональной структуры, чем он реально содержит.

7.3 Эпизод с *blūtekirl*

Эпизод с *blūtekirl* в Ливонской рифмованной хронике даёт яркое описание специализированного ритуального действия. Этот персонаж бросает жребий, совершает действие с животным, предсказывает исход военного предприятия и формулирует религиозное обещание.

Даже если переданное слово было описательным термином хрониста, а не местным названием должности, саму сцену трудно объяснить без представления о специализированном ритуальном авторитете.

В сочетании с Христбургским договором это позволяет сделать сильный, но ограниченный вывод: по крайней мере в некоторых балтийских обществах существовали люди, выполнявшие специализированные ритуальные функции.

Источники не доказывают существования наследственной касты, единой церковной иерархии, общей ординации или обще-балтийского жречества. Наличие ритуальных экспертов не следует превращать в доказательство развитого церковного института.

8. Священный ландшафт

Священные природные места представляют ещё одну тему, подтверждаемую как письменными источниками, так и более поздними междисциплинарными исследованиями.

Пётр из Дусбурга упоминает священные рощи, поля, воды и отдельные места, считавшиеся сакральными. Эти сообщения соответствуют более широкой картине балтийской и североевропейской религиозной истории, где ритуальное значение связывалось не только с построенными святилищами, но и с природным ландшафтом.

Викинтас Вайткавичюс показал возможности совместного использования исторических источников, топонимики, археологии, географии и фольклора при изучении балтийских священных мест (Vaitkevičius 2003). Его работы одновременно демонстрируют, почему идентификацию каждого конкретного объекта необходимо проводить отдельно.

Общий вывод достаточно силён: священные природные места существовали и играли заметную роль.

Совсем другой уровень доказательности требуется для утверждения «этот холм, камень, лес, источник или поле был дохристианским святилищем в XIII веке». Выразительное название местности может сохраняться по разным причинам. Позднее предание способно удерживать более раннюю память, но может возникнуть и после христианизации. Археологическая находка может свидетельствовать об активности на месте, не объясняя её ритуального смысла.

Особенно уязвим для автоматической интерпретации термин *alka* или *alkas*. Языковые и фольклорные данные могут сделать конкретное место перспективным для исследования, однако само название не датирует сакральную функцию и не доказывает её непрерывность.

Поэтому ответственная история сакрального ландшафта должна строиться по отдельным объектам. Сильные случаи возникают тогда, когда сходятся несколько независимых линий: ранняя письменная фиксация, топонимика, археологический контекст, пространственная структура и устойчивая местная традиция. Слабые случаи должны оставаться гипотезами, а не превращаться в точки на карте якобы доказанных святыщ.

9. Смерть, погребение и представления о посмертии

9.1 Материальные данные

Погребальный материал относится к наиболее продуктивным областям сопоставления письменных и археологических источников.

Исследования Романа Широкоухова прусских могильников Самбийского полуострова документируют погребения X-XIII веков с оружием и конским снаряжением, а также выраженные модели социальной дифференциации и воинской репрезентации (Shiroukhov 2012). Археология Литвы также фиксирует сложные практики кремации и изменения средневекового погребального ландшафта (Petrauskas 2017).

Эти данные независимо устанавливают важные материальные факты: в структурированных погребальных контекстах сочетались кони, оружие, упряжь, кремированные человеческие останки и другие предметы.

Это существенно, поскольку письменные хронисты также описывают умерших вместе с снаряжением, конями, оружием, одеждой и иными вещами. Археология тем самым подтверждает, что по крайней мере часть материального мира таких повествований соответствует реальной погребальной практике, а не является литературным изобретением.

9.2 Проблема значения

Сложный вопрос заключается в том, что означали эти предметы.

Хронист может объяснять, что умершему требовалось снаряжение для продолжения деятельности после смерти. Археология способна показать, что вещи были положены или сожжены вместе с умершим, но независимо подтвердить именно такое объяснение она не может.

Это различие принципиально. Само присутствие коня не сообщает, был ли он средством передвижения в ином мире, символом статуса, жертвой, спутником, частью публичного ритуала, даром или сочетанием нескольких значений. Наличие оружия само по себе также не доказывает веру в посмертную войну.

Письменные источники, однако, позволяют осторожно говорить о религиозной семантике. Христбургский договор содержит образ умершего, переходящего в иной век или мир. Ливонская рифмованная хроника и Пётр из Дусбурга связывают вещи и социальную идентичность с продолжающимся существованием таким образом, который трудно свести только к материальному обычаю.

Поэтому наиболее обоснованный вывод имеет два уровня. Материальная погребальная модель подтверждена очень надёжно. Интерпретация, согласно которой вещи и социальный статус сохраняли значение после смерти, также хорошо поддерживается, но остаётся менее надёжной, чем сам археологический паттерн.

9.3 Кремация и опасность простых религиозных маркеров

Кремацию нередко воспринимают как очевидный признак языческой идентичности. Средневековый балтийский материал не позволяет применять такое равенство автоматически во всех случаях.

Практики кремации менялись по времени и регионам, а культурные изменения не обязательно сразу совпадали с формальным обращением в христианство. Христианизация была процессом, а не одномоментным переключением. Археологическая практика, политическая идентичность и религиозная принадлежность способны изменяться с разной скоростью.

Работа Гедиминаса Петраускаса по кремационным могильникам XIII-XIV веков показывает ценность подхода, при котором погребение рассматривается как сложное региональное и социальное явление, а не как бинарная религиозная метка (Petrauskas 2017).

Для BAFES-R-001 это означает, что кремация может быть частью аргумента о религиозной практике, но не должна сама по себе служить доказательством того, что конкретное погребение является «языческим».

10. Кони, жертвоприношение и ритуальное действие

Конь занимает заметное место и в материальных, и в письменных свидетельствах.

Археологические исследования фиксируют конские погребения и специальные зоны захоронения коней в Балтийском регионе. Миндаугас Берташюс обращал внимание на публичный и перформативный характер таких практик, включая связь пространства погребения, ландшафта, памяти и ритуального действия (Bertašius 2009). Прусский и самбийский материал также показывает включение коней и конского снаряжения в элитные и погребальные контексты (Shiroukhov 2012).

Письменные источники описывают жертвенное или иное ритуальное использование коней в нескольких ситуациях. На уровне общего явления эти сообщения согласуются с независимыми археологическими данными: религиозное и ритуальное значение коня выходило за пределы обычной хозяйственной функции.

Однако источники не подтверждают существование одной стандартной балтийской церемонии жертвоприношения коня.

Мог различаться адресат. Могла различаться цель. Одни контексты были погребальными, другие военными, гадательными, мемориальными или собственно жертвенными. Животное могли убивать, погребать, сжигать, демонстрировать или символически представлять через

снаряжение. Региональные практики могли разделять общие символические темы, не образуя единой ритуальной системы.

Это различие важно, поскольку тема коня особенно легко поддаётся чрезмерному объединению. Высокая ценность животного, его военное значение, мобильность и социальная символика делали коня подходящим для множества форм ритуального выражения. Общий объект не означает общей литургии.

Наиболее сильный вывод поэтому широк, но исторически содержателен: ритуальное использование коней было хорошо укоренено в отдельных частях средневекового балтийского мира, а археология предоставляет для этого независимую материальную основу.

11. Человеческие жертвоприношения и проблема военной добычи

11.1 Человеческие жертвоприношения

Тема человеческих жертвоприношений относится к наиболее сложным, поскольку источники часто создавались христианскими противниками в условиях войны.

Наивное чтение способно превратить каждое обвинение в установленный факт. Не менее наивной была бы противоположная реакция, при которой все подобные сообщения заранее объявляются пропагандой. BAFES-R-001 стремился избежать обеих крайностей.

Первым шагом стало разделение разных повествовательных категорий: угроз, обетов, предполагаемых жертвоприношений, предотвращённых действий, казней и эпизодов, где хронист прямо описывает убийство как приношение богам.

После такого разделения остаётся несколько сообщений, в которых пленные, согласно тексту, действительно были убиты в ритуальном контексте. В некоторых пассажах используется явная жертвенная терминология.

Этого достаточно, чтобы считать историческое существование ритуальных убийств правдоподобным в отдельных прусских, литовских и жемайтских контекстах. Но этого недостаточно для определения частоты, обычности или единой процедуры.

Военные хроники непропорционально часто фиксируют крайние события. Сохранение нескольких таких рассказов может отражать реальную практику, литературный отбор, институциональную память либо их сочетание. Кроме того, необходимо учитывать зависимость источников. Сходные эпизоды нельзя автоматически считать независимыми.

Наиболее защищаемый вывод узок: средневековые источники неоднократно сообщают о совершённых ритуальных убийствах пленных у некоторых балтийских групп, тогда как частота и нормативный статус такой практики остаются неизвестными.

11.2 Мотив одной трети

Ливонская рифмованная хроника содержит ритуальное обещание, согласно которому треть добычи должна быть посвящена богам. Пётр из Дусбурга сообщает о сходном делении на треть в связи с Criwe.

Числовое совпадение нередко воспринималось как доказательство фиксированного религиозного правила. Оно действительно может отражать такой обычай, но доказательная база слабее, чем кажется на первый взгляд.

Ливонская рифмованная хроника не содержит полного последующего описания, подтверждающего исполнение всей обещанной программы. Дусбург писал позднее внутри литературного мира Тевтонского ордена. Кроме того, доля в одну треть имеет более широкие средневековые правовые, литературные и символические параллели.

Поэтому исследование различает два положения.

Обычай посвящать некоторую часть военной добычи божественным силам исторически правдоподобен.

Фиксированное межрегиональное правило, требовавшее ровно одну треть и связанное со стандартной жертвенной процедурой, не доказано.

Это различие типично для всего проекта. Вероятная религиозная модель может сохранять силу даже тогда, когда слишком точная реконструкция её уже не выдерживает проверки.

12. Romow и Criwe

Немногие тексты так сильно повлияли на современные представления о балтийской религии, как рассказ Петра из Дусбурга о Romow и Criwe.

Дусбург описывает сакральный центр и религиозного авторитета, влияние которого сравнивается с властью папы. Позднейшие авторы расширили эту картину. В современных пересказах Romow иногда превращается в балтийский аналог Рима или Ватикана, а Criwe становится главой централизованной языческой церкви.

Источник не даёт оснований для такой степени уверенности.

Сравнение с Римом и папством использует христианский институциональный язык. Оно могло быть пояснительной аналогией, риторическим приёмом, политическим утверждением или способом перевести незнакомую форму авторитета в категории, понятные христианскому читателю.

Позднейшая версия Николауса фон Ерошина зависит от Дусбурга и потому не может служить независимым свидетельством. Ранненовоявременные расширения рассказа также требуют проверки на зависимость, прежде чем использоваться как подтверждение.

Современная наука реагировала на этот пассаж по-разному. Одни исследователи относились к нему с глубоким подозрением. Другие пытались выделить историческое ядро.

Недавний анализ Мажейки особенно полезен тем, что показывает: выбор не сводится к двум вариантам, «буквальная правда» или «полная выдумка» (Mažeika 2023).

BAFES-R-001 придерживается той же осторожности. Более узкое историческое ядро остаётся возможным. За рассказом могло стоять значимое сакральное или собранийное место и религиозный авторитет, влияние которого выходило за пределы одного двора или поселения. Текст мог сохранить память о реальном институте, переописанном на христианском языке.

Но не доказано существование обще-балтийской церкви с центральным управлением, иерархии, структурно аналогичной католической, либо универсальной власти над всеми балтийскими народами.

Поэтому выражение «балтийский Ватикан» полезно как обозначение поздней историографической модели, но не как надёжное описание XIII или начала XIV века.

13. Ласицкий и расширение источниковой базы в раннее Новое время

De diis Samagitarum Яна Ласицкого оказал огромное влияние, поскольку кажется, что он даёт то, чего почти нет в средневековой источниковой базе: большой список именованных божеств и сверхъестественных существ.

Такое изобилие требует особенно осторожного обращения.

Текст создан в XVI веке, после длительных процессов христианизации и социальных изменений. Он фиксирует материал из мира, где могли одновременно существовать старые традиции, христианская практика, местный обычай, домашний ритуал, языковое непонимание и учёная классификация.

Сам перечень неоднороден. Часть имён может обозначать божеств. Другие могут относиться к духам, персонифицированным функциям, ритуальным выражениям, домашним существам, природным явлениям, профессиональным терминам, неправильно понятым фразам или редакторским конструкциям.

Это не делает Ласицкого бесполезным. Напротив, источник чрезвычайно важен для изучения религиозного и народного мира своего времени и для поиска возможных линий преемственности. Его ценность снижается только тогда, когда внутренняя неоднородность превращается в единый пантеон.

Каждая запись требует отдельного анализа. Следует спрашивать:

- Понятно ли слово лингвистически?
- Встречается ли оно в других источниках?
- Каков контекст: ритуальный, повествовательный, домашний, аграрный или лексический?
- Имеется ли независимая фиксация имени?

- Могло ли нарицательное слово или выражение быть ошибочно переосмыслено как имя собственное?
- Сохраняет ли поздний фольклор родственную фигуру, и если да, какова хронологическая дистанция?

Источниковедческий подход поэтому рассматривает каталог Ласицкого как совокупность исследовательских задач, а не как готовый ключ к древней религии.

Этот вопрос показывает и более широкий историографический разрыв. Синтетические труды, такие как системное исследование Гинтараса Береснявичюса, стремятся реконструировать более широкие структуры на основе объединённого корпуса (Beresnevičius 2004). Более новые подходы, начинающие с источника, включая англоязычный обзор Фрэнсиса Янга, придают больший вес историческим текстам и археологии и осторожнее используют значительно более позднюю этнографию как прямое окно в дохристианскую эпоху (Young 2025).

Эти подходы не обязательно противостоят друг другу. Реконструкция неизбежна, если историк хочет выйти за пределы простого набора цитат. Вопрос состоит в том, насколько ясно сама реконструкция отделена от доказательств, на которых она основана.

14. Поздний фольклор, преемственность и реконструкция

Поздний фольклор незаменим для истории балтийской культуры. Одновременно он относится к наиболее опасным типам источников, если исследовательский вопрос касается XIII века.

Фольклор, записанный в XIX или XX веке, способен сохранять очень древние мотивы. Устная традиция бывает консервативной. Ритуальные привычки могут переживать смену официальной религии. Топонимы могут сохранять память. Христианские и дохристианские модели способны долго сосуществовать.

Ни одна из этих возможностей сама по себе не доказывает преемственность.

Между средневековым источником и поздней фольклорной записью лежат столетия христианской проповеди, местного переосмысления, печатной культуры, антикварного интереса, национализма, романтической реконструкции, административных изменений, языковых сдвигов и контактов с соседними традициями.

Поэтому преемственность следует показывать через цепочки свидетельств. Поздний мотив становится более полезным для ранней реконструкции, когда имеются промежуточные фиксации, сильная языковая непрерывность, практика структурно плохо поддаётся заимствованию или археология даёт независимую параллель.

Без такой поддержки поздний фольклор остаётся прежде всего свидетельством эпохи, в которую он был записан, и культурной памяти, доступной этой эпохе.

Тот же принцип применим к современным религиозным реконструкциям. Современные балтийские языческие движения, практики культурного наследия и популярные мифологии представляют самостоятельный исследовательский интерес. Они документируют современную

идентичность, восприятие прошлого и творческую преемственность. Их сегодняшнее значение не доказывает древность каждого используемого элемента.

Это различие не является оценкой религиозной «подлинности». Современная традиция может быть значимой даже тогда, когда часть её исторической реконструкции возникла недавно. Критика исторических источников задаёт другой вопрос: насколько рано конкретный элемент действительно можно документировать?

15. Что можно реконструировать ответственно?

Если сохранившиеся источники не дают полной системы, какая реконструкция всё же возможна?

Ответственную реконструкцию можно начать с набора сравнительно сильных положений.

Во-первых, несколько балтийских групп признавали более одной божественной или культовой силы. Политеистические религиозные миры подтверждены достаточно уверенно.

Во-вторых, некоторые именованные фигуры имеют устойчивую историческую фиксацию. Перкунас является наиболее ясным ранним литовским примером. Curche надёжно назван в прусском культовом контексте. Andaj, Žvorūna и Teliavelis принадлежат важной литовской текстовой традиции XIII века, хотя степень сложности их интерпретации различается.

В-третьих, гадание по жребию встречается более чем в одном регионе и более чем в одном источниковом контексте. Его можно обоснованно считать повторяющейся балтийской ритуальной практикой, не предполагая существования единой стандартной техники.

В-четвёртых, существовала ритуальная специализация. Источники подтверждают людей с узнаваемыми ритуальными функциями, особенно в погребальных и гадательных контекстах. Централизованную жреческую систему они не доказывают.

В-пятых, священные природные места составляли часть религиозного ландшафта. Общий феномен подтверждён хорошо, но идентификация каждого конкретного места требует отдельного доказательного корпуса.

В-шестых, погребальная практика структурированно связывала умерших с конями, оружием, снаряжением и другими вещами. Археология уверенно подтверждает материальную модель. Письменные источники делают правдоподобной идею сохранения статуса или деятельности после смерти, но точные представления восстановить труднее.

В-седьмых, кони имели ритуальное значение, выходящее за пределы обычного хозяйственного использования. Источники подтверждают множество форм связанных с конём ритуалов, а не одну универсальную церемонию.

В-восьмых, некоторые средневековые сообщения о ритуальных убийствах слишком конкретны и повторяемы, чтобы автоматически отбрасывать их как категорию. Источники позволяют говорить об исторической правдоподобности таких действий в отдельных контекстах, но не о частоте или всеобщности.

В-девятых, региональные различия следует считать особенностью источниковой картины, а не дефектом, который необходимо устранить. «Балтийская религия» может быть полезной сравнительной категорией, если она не стирает прусские, литовские, жемайтские, куршские, земгальские и другие различия.

На основе этих положений можно предложить более широкую модель.

Дохристианский балтийский религиозный мир, вероятно, состоял из родственных местных и региональных традиций, объединённых общим языковым наследием, некоторыми ритуальными моделями и пересекающимися представлениями о божественном, но различавшихся именами, институтами, социальной организацией и местной сакральной географией.

Такая модель менее наглядна, чем таблица богов с фиксированными функциями. Однако исторически она правдоподобнее, поскольку допускает одновременно культурное родство и локальную вариативность.

Источники не требуют предполагать единую теологию. Религия средневековых обществ вовсе не обязана была быть систематизирована так, как это ожидает современный справочник. Ритуальная практика, родственные отношения, политическая власть, сезонные циклы, война, погребение и сакральный ландшафт могли быть связаны между собой без центрального института, определявшего официальное учение.

16. Ограничения и открытые вопросы

Первый исследовательский цикл существенно уточнил доказательную картину, однако несколько ограничений остаются фундаментальными.

16.1 Фрагментарность и внешнее происхождение письменных данных

Сохранившиеся тексты не были написаны носителями традиций с целью сохранить собственную религию. Христианские авторы отбирали то, что представлялось им значимым. Военные и миссионерские контексты особенно часто выводят на первый план конфликт, обращение, жертвоприношения и необычные обычаи. Повседневная домашняя религия могла остаться значительно менее заметной. Поэтому молчание источника не является доказательством отсутствия явления.

16.2 Региональная неоднородность

Материал относится к разным народам, периодам и политическим обстоятельствам. Общий балтийский культурный фон позволяет сравнивать, но не даёт права автоматически переносить местный институт или функцию божества из одного региона в другой.

16.3 Зависимость источников

Полная схема зависимостей не построена. Одни связи доказуемы, другие остаются только возможными. Поэтому проект избегал считать сходные письменные сообщения полностью независимыми, если для этого нет достаточных оснований.

16.4 Специализированные лингвистические вопросы

Несколько центральных проблем по существу являются филологическими: этимология Curche, отношение Diviriks и Perkūnas, возможное тождество Nunadievis и Andaj, отношение Medeina и Žvorūna, историческое происхождение Teliavelis.

BAFES-R-001 сопоставляет аргументы специалистов, но не претендует на замену исторической баллистики, палеографии или дипломатики. Там, где лингвистические данные остаются спорными, исторический вывод должен сохранять соответствующую степень осторожности.

16.5 Значение археологических данных

Материальные данные позволяют с высокой точностью устанавливать структуры и повторяющиеся модели. Значение этих моделей обычно определяется менее надёжно. Поэтому в проекте материальные выводы отделяются от космологических интерпретаций.

16.6 Частота редких или крайних практик

Наиболее очевидный пример представляет человеческое жертвоприношение. Несколько сообщений могут подтвердить историческую правдоподобность, но не отвечают на вопрос, была ли практика обычной, исключительной, связанной только с войной, политически символической или ограниченной определёнными периодами и группами.

16.7 Romow и институциональная религия

Историческое ядро традиции Romow и Criwe остаётся нерешённым. Дальнейшая работа потребовала бы совместить текстологию, политический контекст, географию и историю позднейшего восприятия, не превращая поздние дополнения в независимые ранние свидетельства.

16.8 Телявелис

Телявелис остаётся одним из наиболее перспективных направлений для дальнейшего исследования. Имя рано и надёжно засвидетельствовано как текстовый факт. Кузнечно-солярный рассказ также уверенно принадлежит Хронографу. Неясным остаётся другое: какая часть этого описания отражает местную религиозную традицию, а какая могла быть сформирована литературной средой компилятора.

16.9 Граница между преемственностью и реконструкцией

Поздний фольклор может сохранять ранний материал, но сила преемственности различается от мотива к мотиву. Будущие исследования должны сосредотачиваться на конкретных цепочках передачи, а не использовать «фольклор» как единый нерасчленённый корпус древних свидетельств.

17. Заключение

Первый исследовательский цикл BAFES-R-001 начался с простого вопроса, который оказался полезнее попытки восстановить законченную религиозную систему: что сохранившиеся источники действительно позволяют нам сказать?

Довольно многое.

Несколько средневековых балтийских религиозных традиций были политеистическими в содержательном историческом смысле. Именованные божественные и культовые фигуры действительно присутствуют в ранних текстах. Перкунас имеет сильную раннюю фиксацию в нескольких источниковых традициях. Curche надёжно относится к прусскому культовому контексту XIII века. Teliavelis, Andaj и Žvorūna принадлежат ранней литовской текстовой традиции, которую сегодня можно проверять по критическим исследованиям рукописей.

Гадание по жребию встречается неоднократно. Существование ритуальных специалистов исторически вероятно. Священные природные места хорошо подтверждены как общий феномен. Археология фиксирует сложные погребальные модели с конями, оружием и снаряжением. Ритуальное использование коней установлено достаточно надёжно. Средневековые хроники содержат несколько сообщений о совершённых ритуальных убийствах пленных, которые нельзя ответственно исключить из исторической картины, хотя их частота остаётся неизвестной.

Источники одновременно показывают, какие утверждения не следует принимать слишком легко.

Они не дают готового единого обще-балтийского пантеона. Они не доказывают общей государственной религии с одной иерархией. Они не подтверждают централизованное жречество. Они не позволяют считать каждый поздний перечень божеств прямым пережитком XIII века. Они не превращают Romow в документированный балтийский Ватикан. Они не делают каждую *alka* доказанным древним святилищем. Они не позволяют считать каждое конское погребение свидетельством одного и того же верования.

Наиболее важный итог имеет методологический характер. Историческая реконструкция сильнее всего там, где неопределённость остаётся видимой.

Сохранившиеся данные подтверждают существование семейства родственных, но регионально различавшихся религиозных традиций. Эти традиции разделяли часть представлений и практик и отличались в других отношениях. Их история менялась под воздействием войны, формирования государств, христианизации, книжной передачи и

поздней культурной памяти. Полезная реконструкция должна сохранять эти слои, а не сводить их к одной вневременной системе.

Получается картина неполная, но далеко не пустая. Она менее упорядочена, чем пантеоны современных схем, и именно поэтому исторически убедительнее. Фрагменты не позволяют восстановить авторитетную древнюю балтийскую теологию. Зато они позволяют дисциплинированно описывать имена, практики, места, ритуальные роли, погребальные модели и повторяющиеся религиозные формы.

Именно на этом уровне BAFES-R-001 считает доказательства наиболее сильными.

Приложение А. Сводка доказательств

Тема	Наиболее сильные свидетельства	Текущая оценка	Главное ограничение
Политеизм	Несколько ранних упоминаний богов во множественном числе и именованных фигур	Уверенно подтверждён для нескольких балтийских традиций	Не равен единому фиксированному пантеону
Перкунас	Ливонская рифмованная хроника и Хронограф 1262 года	Сильная ранняя фиксация	Точный ранг и полный комплекс поздней мифологии не установлены
Телявелис	Галицко-Волынская летопись и традиция Хронографа	Имя уверенно засвидетельствовано; кузнечно-солярное описание текстуально надёжно	Возможное литературное влияние на описание остаётся открытым вопросом
Curche	Христбургский договор 1249 года	Надёжный культовый контекст после сбора урожая	Точная функция и этимология неизвестны
Отождествления божественных имён	Сопоставление ранних литовских перечней	Несколько правдоподобных гипотез	Прямые тождества не сформулированы средневековыми текстами
Гадание по жребию	Генрих Латвийский, Ливонская рифмованная хроника, Пётр из Дусбурга	Сильная межрегиональная модель	Единая стандартная техника не доказана
Ритуальные специалисты	Tulissones/Ligaschones и эпизод с blūtekīrl	Специализированные ритуальные функции подтверждены хорошо	Обще-балтийская жреческая каста не доказана
Священные места	Средневековые тексты и междисциплинарные исследования отдельных объектов	Священный природный ландшафт подтверждён хорошо	Каждый конкретный объект требует независимого доказательства
Погребальный материал	Письменные сообщения и археология	Кони, оружие, снаряжение и модели кремации подтверждены хорошо	Археология сама по себе не устанавливает точные верования

Тема	Наиболее сильные свидетельства	Текущая оценка	Главное ограничение
Ритуальное использование коней	Письменные и археологические данные	Уверенно подтверждено как общий феномен	Универсальная церемония или единое значение не доказаны
Человеческие жертвоприношения	Несколько средневековых сообщений о совершённых ритуальных убийствах	Исторически правдоподобны в отдельных контекстах	Частота, регулярность и всеобщность неизвестны
Треть военной добычи	Ливонская рифмованная хроника и Пётр из Дусбурга	Возможен исторический обычай посвящения части добычи	Фиксированное правило одной трети не доказано
Romow/Criwe	Пётр из Дусбурга	Важный исторический текст; ограниченное историческое ядро возможно	Модель централизованного «балтийского Ватикана» не доказана
Ласицкий	Жемайтский каталог XVI века	Ценный неоднородный источник	Не каждая запись обязательно обозначает древнее божество
Поздний фольклор	Записи XIX и XX веков	Необходим для изучения поздней традиции и возможной преемственности	Нельзя автоматически переносить в средневековый период

Библиография

Первичные и ранние издания источников

Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. Vol. I, *Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos*. Сост. и ред. Norbertas Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.

Henry of Livonia. *Heinrici Chronicon Livoniae*. 2-е изд., ред. Leonid Arbusow и Albert Bauer. Hannover: Hahn, 1955.

Łasicki, Jan. *De diis Samagitarum caeterorumque Sarmatarum et falsorum Christianorum*. 1582.

Livländische Reimchronik. Ред. Leo Meyer. Paderborn, 1876.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. II. 2-е изд. St Petersburg, 1908. Включает Галицко-Волынскую летопись.

Preußisches Urkundenbuch. Vol. I/1, no. 218. Königsberg, 1882. Христбургский договор 1249 года.

Peter of Dusburg. *Chronicon terrae Prussiae*. Ред. Max Toeppen, в *Scriptores rerum Prussicarum*, vol. 1, 3-219. Leipzig: S. Hirzel, 1861.

Современные исследования

Baronas, Darius, and S. C. Rowell. 2015. *The Conversion of Lithuania: From Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

Beresnevičius, Gintaras. 2004. *Lietuvių religija ir mitologija: sisteminė studija*. Vilnius: Tyto alba.

Bertašius, Mindaugas. 2009. "Horse Graves, Sacrifice, and the Performers of Public Rituals." *Archaeologia Baltica* 11: 305-313.

Kregždys, Rolandas. 2012. *Baltų mitologemų etimologijos žodynas I: Kristburgo sutartis*. Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas.

Laurinkienė, Nijolė. 1996. *Senovės lietuvių dievas Perkūnas: kalboje, tautosakoje, istoriniuose šaltiniuose*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

Lemeškin, Ilja. 2009. *Sovijaus sakmė ir 1262 metų chronografas: pagal Archyvinį, Varšuvos, Vilniaus ir I. J. Zabelino nuorašus*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

Mažeika, Rasa. 2023. "Morality Tale or Attempt at Reportage? Yet Another Look at Peter von Dusburg's Description of the Prussian Pagan Religion." *Acta Historica Universitatis Klaipedensis* 44: 99-120. <https://doi.org/10.15181/ahuk.v44i0.2573>.

Petrauskas, Gediminas. 2017. "Mirusiųjų deginimo paprotys viduramžių Lietuvoje: kompleksinis požiūris į XIII-XIV a. degintinius kapinynus." *Lietuvos archeologija* 43: 175-216.

Rowell, S. C. 1994. *Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295-1345*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Shiroukhov, Roman. 2012. "Prussian Graves in the Sambian Peninsula, with Imports, Weapons and Horse Harnesses, from the Tenth to the 13th Century: The Question of the Warrior Elite." *Archaeologia Baltica* 18: 224-255. <https://doi.org/10.15181/ab.v18i0.73>.
- Szczepański, Seweryn. 2017. "Traktat dzierzgoński (1249 r.) a elementy religijności Prusów." *Tabularium Historiae* 2: 77-100. <https://doi.org/10.34767/TH.2017.02.04>.
- Vaitkevičius, Vykintas. 2003. *Alkai: baltų šventviečių studija*. Vilnius: Diemedžio leidykla.
- Young, Francis. 2025. *Pre-Christian Baltic Religion and Belief*. Amsterdam: ARC Humanities Press.
-

О BAFES

Baltic Association for Folklore and Esoteric Studies (BAFES) - зарегистрированная в Литве исследовательская ассоциация, занимающаяся фольклором, народными верованиями, дохристианскими религиозными традициями, историей магии и эзотеризма, сновидениями и связанными культурными явлениями Балтийского региона.

BAFES различает документированные исторические свидетельства, научную интерпретацию, гипотезу, позднюю традицию и современную реконструкцию. Рабочие исследовательские материалы могут оставаться внутренними, тогда как завершённые публичные исследования публикуются на bafes.org.

bafes.org

info@bafes.org

© 2026 Baltic Association for Folklore and Esoteric Studies.

Лицензия CC BY 4.0, если не указано иное.